

Н.А. Хренов

Ю.Б. Борев на фоне истории эстетики в России XX века

В этом году Юрию Борисовичу Бореву исполнилось 90 лет. Судьба подарила выдающемуся ученому больше времени, чем некоторым его коллегам и единомышленникам. Именно это обстоятельство позволило ученому войти в особые отношения со временем. Он был свидетелем не только первой оттепели (в том ее значении, которая ассоциируется с повестью И. Эренбурга), т.е. оттепели с середины 50-х годов, но и оттепели второй, начавшейся с середины 80-х годов, хотя эта вторая оттепель вошла в историю под другим именем, т.е. как «перестройка». В истории России была и другая оттепель — в начале XX века, как выразился В. Розанов (и так, кстати, назвал одну из своих книг), «когда начальство ушло». Она известна как Серебряный век, в котором многое объясняется распадом империи. Но ведь и время шестидесятников — это тоже время распада империи, сталинской империи.

Однако смысл наших суждений о Ю.Б. Борове сводится к тому, что он был не только свидетелем, но и активным участником многих событий, характерных для той и другой оттепели. Что касается Серебряного века, то Д. Мережковский называл эту свою эпоху именно так — оттепель. В самом деле, вся история России — это история перманентного ожидания и развер-

тывания оттепели и той стихии, которая ей противостоит, — пробуждения имперского инстинкта, сводящего на нет каждое проявление оттепельного сознания. Именно так — как угасание под напором реабилитации империи оттепельного сознания и новое возвращение к нему — ощутил российскую историю прекрасный исследователь архитектуры советского периода В. Паперный в своей книге «Культура Два». Он вывел эту оппозицию «имперское сознание и оттепельное сознание» за пределы XX века на уровень циклического осознания логики российской истории.

Имея намерение высказаться по поводу нашего юбиляра, мы, кажется, отклоняемся в сторону философии истории, которая не случайно часто притягивала к себе российских мыслителей. Совсем нет. Ведь постоянно возвращающаяся в России эпоха оттепели дарит русским людям удивительное явление — осознание того, что, оказывается, человеческое бытие имеет удивительную особенность, которая хотя и сопровождает всю историю человечества, но не всегда осознается. Эта особенность связана с чувством прекрасного и возвышенного, которое мы относим к эстетическому сознанию.

Впервые на уровне науки эта особенность была осознана в XVIII веке. Великие философы Просвещения, и прежде всего Кант и Гегель, обозначили это как эстетическое чувство. Возникнув как потребность в осознании этой особенности бытия, эстетика с тех пор проделала весьма длительный путь. На этом пути были эпохи и вспышки этой удивительной сферы, и эпохи ее угасания и забвения. Совершенно особая логика функционирования эстетического сознания характерна для России.

Деятельность нашего юбиляра — Ю.Б. Борева, вписавшего свое имя в эту прихотливую логику забвения и возрождения эстетической стихии, без этой зигзагообразной истории эстетики была бы совершенно непонятной. Может быть, пройденный ученым длинный творческий путь дает возможность сделать некоторые обобщения, которые нельзя сделать применительно к некоторым его коллегам. Ю.Б. Борев ярко заявил о себе своими первыми публикациями на тему эстетики именно в ту эпоху, которую мы все знаем как эпоху оттепели. С середины 50-х одна за другой выходили его книги: «Проблемы трагического в эстетике», «Основные эстетические категории», «Введение в эстетику» и т.д.

Именно в эту эпоху и происходила реабилитация эстетического сознания. Собственно, в этот период реабилитация эстетики в России была частным проявлением возрождения всей гуманитарной сферы и гуманитарных наук. Об этом свидетельствовала активизация литературы и прежде всего поэзии, театра, кинематографа, да и вообще всего искусства. Активным участником этой активизации искусства был и Ю.Б. Боров. Деятели искусства ощутили большую свободу, оставляя позади, как выразился Э. Неизвестный, катакомбный период своей деятельности. Она, эта их деятельность, была связана с возведением Сталиным новой редакции византийской империи, которую трудно было узнать в силу того, что ее суть была упакована в марксистскую терминологию. Оттепель, начавшаяся после смерти Сталина, означала, прежде всего, возрождение общественного духа, а вместе с ним и понятия свободы, что не замедлило проявиться и в искусстве.

Свобода, о которой много размышляли шестидесятники и которые ее обретали, представляла уже не в своем классицистском значении, т.е. как свобода исключительно государства, что соответствовало установкам сталинской империи. Ведь империя начала утверждаться как самоцель, превращаясь в то, что А. Тойнби назвал Вызовом, и следовательно, угрозой выживания общества.

Свобода стала пониматься и как свобода личности, что и определило прорыв к нравственным ценностям как самостоятельным по отношению к идеологии. Это и стало основой возрождения в это время искусства.

Такие перемены не могли не породить спрос на философию, которая в эпоху сталинской империи успела раствориться в политике и идеологии, превратившись в их служанку. И тут, кстати, произошла удивительная вещь. Критика марксизма в его ленинской редакции не исчерпывала всей сложности ситуации. Одновременно с критикой Маркса произошло его новое открытие. Ведь до этого времени последователям Маркса оставались неизвестными его ранние работы и, в частности, «Экономическо-философские рукописи 1844 года», в которых молодой Маркс дал глубочайшее истолкование гегелевского понятия «отчуждение», истолкование, о котором потом М. Хайдеггер скажет как о самом глубоком истолковании этого феномена. Возрождающаяся эстетика преследовала преодоление отчуждения.

Этот процесс не ограничивался искусством. Как формулировал коллега Ю. Борева В. Тасалов, предмет эстетики выводится за пределы искусства — в сферу общественно-практической деятельности человека¹. Открытие раннего Маркса, как сейчас очевидно, позволило советским философам освоить философию экзистенциализма и с помощью этой философии осмыслить трагизм революционной и постреволюционной русской истории и в особенности положение личности в этой истории.

О созвучности этой философии мироощущению шестидесятников убедительно писала Н. Мотрошилова в связи с М. Мамардашвили, проявившим интерес к экзистенциализму². В связи с этим особенно понятно внимание Ю.Б. Борева к разработке трагического как категории эстетики, что получило выражение во многих книгах ученого. Так, еще в 1955 году вышла его книга «Проблемы трагического в эстетике». Потом он будет к этой проблематике постоянно возвращаться.

Активизация философии своим следствием имела и возрождение философии искусства, а это и есть эстетика. Общественная потребность в пробуждении эстетического сознания вскоре обрела организационные формы и начала институционализироваться. Во многих высших учебных заведениях возникали специальные кафедры. Ю.Б. был одним из тех представителей эстетического цеха, кто активно включился в преподавательскую работу. Он преподавал курс эстетики в Московском университете им. М. Ломоносова, во ВГИКе, в Московской государственной консерватории, в Литературном институте. Но он преподавал и за рубежом, например, в Йенском, Берлинском, Пекинском, Парижском (Сорбонне) и в других университетах мира. Все просто не перечислить.

Но мы возвращаемся к тому моменту, когда в середине 50-х появилась группа энтузиастов, специализирующихся по вопросам эстетики (М. Лифшиц, М. Овсяников, А. Лосев, В. Вансов, К. Долгов, В. Шестаков, М. Каган, С. Раппопорт, В. Асмус, Ю. Давыдов, К. Кантор, В. Тасалов и др.). Особенно активная группа ученых возникла при философском факультете

¹ Тасалов В. Десять лет проблемы «эстетического» (1956–1966) // Вопросы эстетики. М., 1971. С. 195.

² Мотрошилова Н. О диалоге Мераба Мамардашвили с Жаном-Полем Сартром // Мераб Константинович Мамардашвили. М., 2009.

Московского университета, и ее возглавил М.Ф. Овсяников, в честь которого кафедра эстетики МГУ ежегодно собирает представителей эстетического цеха и организует международные конференции.

Невозможно перечислить названия всех докладов, сделанных Ю.Б. на конференциях, организованных по проблемам эстетики в Советском Союзе и за рубежом. Но здесь невозможно не сказать, что эстетика, благодаря советским ученым, стала востребованной и в других странах. Популярность эстетики, возникающая благодаря активности наших ученых в других странах, приводила к новому открытию России, образ которой уже не ассоциировался только исключительно с лагерями и лесоповалом. И на каких конгрессах Ю.Б. только ни выступал: в Афинах, Амстердаме, Дармштадте, Дубровнике, Мадриде и т.д.

Апостолы этой дисциплины возникали при многих учебных заведениях. Ведь эстетика стала одной из значимых дисциплин во всех гуманитарных вузах. Вскоре начали появляться фундаментальные научные издания, вроде пятитомника «История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли», издававшейся в 60-е годы, и выпускаемой на протяжении многих лет издательством «Искусство» серии «История эстетики в памятниках и документах». Эстетика была обществом востребована. Ее возрождение в Советском Союзе свидетельствовало о необходимости преодолеть имперский комплекс и активизировать гуманистический потенциал общества. Помню, как, готовясь к поступлению во ВГИК и отдыхая в Крыму под Судакком на пляже, я постигал только что вышедшую книгу Ю.Б. «О комическом».

Ю.Б. Боров был в числе самых активных эстетиков-шестидесятников, о чем свидетельствует большое число выходящих в 60-70-е годы его работ. Пожалуй, самой известной его книгой явилась «Эстетика», служившая учебником для многих поколений студентов. Причем, текст ее Ю.Б. постоянно дорабатывал и выпускал все новые и новые ее редакции. Первый вариант появился еще в 1969 году. Затем он переиздавался 23 раза, естественно, в переработанном виде. Он переводился на английский, китайский, сербский и другие языки. Однако нельзя не отметить, что среди своих многочисленных коллег Боров во многом сохранял свою индивидуальность. Об этом стоит сказать отдельно.

Во-первых, он был разносторонним представителем эстетического цеха. Он не был просто и только эстетиком. Он был литератором, критиком, прозаиком, писал сценарии, собирал фольклор. Так, например, он настаивал на том, что фольклор существует не только в среде крестьян или в разных слоях городского населения, но и в среде интеллигенции. Это совершенно самостоятельная идея Ю.Б. Борева, которую он пытался реализовать, выступая уже собирателем фольклора. До Ю.Б. фольклористы этим видом фольклора не занимались. Эту свою идею он подкреплял солидными изданиями. Так, в эпоху перестройки стали выходить его сборники об образе Сталина как еще одном порождении фольклора — интеллигентского фольклора. Так, в 1997 году вышли три тома книги «XX век в преданиях и анекдотах». Были изданы и другие книги, посвященные фольклору этого рода.

Во-вторых, Ю.Б. не был сектантом от эстетики. Он не ограничивался лишь интерпретацией теоретического и философского наследия классиков эстетики. Эту нашу мысль можно проиллюстрировать его реакцией на весьма своеобразную ситуацию, складывающуюся в 60-70-е годы в гуманитарных науках. Возрождение гуманитарной сферы стало причиной реабилитации не только эстетики, но и других наук. Так, если иметь в виду историю науки только XX века, то здесь нельзя не упомянуть о том, что забвению в России была предана не только эстетика, но социология, которая еще в 20-е годы находилась на подъеме и успела внести значительный вклад в изучение искусства. Но на рубеже 20-30-х годов социология, а вместе с ней и социология искусства снова вводилась в границы философии, из которой она в XIX веке вышла. Сама же философия успела превратиться в служанку идеологии, т.е. в официальное сознание сталинской империи.

Социология и, в частности, социология искусства, как и эстетика, в эпоху оттепели активно возрождалась. И поскольку у социологии искусства и эстетики был один и тот же объект, нужно было их как-то развести. Тем более, что социология искусства в ее отечественном варианте овладела той проблематикой, которая на Западе развивалась под названием «рецептивная эстетика», а, следовательно, утверждала себя как проблематика эстетики. Парадоксально, что возрождать социологию искусства пришлось именно эстетикам. Так заведующий Отделом эстетики Института истории искусств известный философ, специалист по

Гегелю и Франкфуртской школе философии Ю.Н. Давыдов оказался энтузиастом в разработке проблематики социологии искусства. Ему принадлежит одна из самых читаемых в тот период на эту тему книг¹. Вопросы взаимоотношений между эстетикой и социологией искусства активно обсуждал также автор весьма неканонического текста учебника по эстетике, по которому, кстати, мне пришлось сдавать экзамены во ВГИКе, коллега Ю.Б. Борева — М. С. Каган.

Но стоит открыть «Эстетику» Борева, чтобы обнаружить, что в его эстетической системе важное место занимает проблематика социальных функций искусства. А ведь это, как сегодня очевидно, является одним из разделов социологии и, в частности, социологии искусства. Так, кроме воспитательной, гедонистической и познавательной функции искусства, Ю.Б. выделяет общественно-преобразующую, информационно-коммуникативную и т.д.

Но в этот же период с эстетикой начинает активно конкурировать еще одна наука, которая не нуждалась, как социология искусства, в возрождении. Она вообще только в этот период еще рождалась, хотя какие-то подступы к ней имели место еще в 20-е годы, когда, апеллируя к лингвистике, представители «формальной» школы возвращали искусство к аристотелевской традиции и пытались разработать новый вариант поэтики. Речь идет о семиотике, вышедшей из лингвистики и, в частности, из концепции языка Ф. де Соссюра. Проблематику семиотики разрабатывала в это время группа весьма талантливых ученых, объединившихся вокруг филологического факультета Тартусского университета. Эту группу затем назовут тартусско-московской школой, куда входили Ю.М. Лотман, Вяч. Вс. Иванов, Б. Успенский и др.

К сожалению, социологии искусства не удалось затмить вспышку эстетики, поскольку она утонула в огромном массиве эмпирических опросов и не смогла разработать необходимую для осмысления полученных с помощью этих опросов данных так называемой теории среднего ряда. Но что касается семиотики, то она, кажется, заметно выдвигалась на первый план гуманитарного возрождения, начиная влиять на другие дисциплины. Кажется, что в анализе искусства семиотикам удалось продвинуться дальше, нежели эстетике, тем более, что они предложили весьма ори-

¹ Давыдов Ю. Искусство как социологический феномен. К характеристике эстетико-политических взглядов Платона и Аристотеля. М., 1968.

гинальную методологию. Впрочем, спустя время интерес угасал и к ней.

Между тем, была ли семиотика альтернативой эстетике? Ведь в первоначальном проекте эстетики, принадлежащем А. Баумгартену, семиотика мыслилась одним из разделов эстетики. Эстетику А. Баумгартен делил на теоретическую и на прикладную. В теоретической же эстетике он выделял три основные проблемы — эвристики, методологии и изучающей знаки семиотики¹. Не случайно, например, Вяч. Вс. Иванов, имя которого в России ассоциируется с семиотикой, обнаружил в теоретических трудах С.М. Эйзенштейна предвосхищение семиотики искусства и назвал свою книгу не «Семиотика Эйзенштейна», а «Эстетика Эйзенштейна». В этих вопросах следовало разбираться на методологическом уровне.

Вот этот уровень не может не обращать на себя внимание в трудах Ю.Б. Борева. Юрий Борисович исходит из того, что эстетика есть философия искусства, а, следовательно, именно философия является методологией гуманитарных наук. Подход Ю.Б. исключает сектантское отношение к наукам, которые склонны к обособлению.

Если философия — общая методологическая база для гуманитарной науки, то эстетика является комплексной дисциплиной, включающей в себя многие гуманитарные науки. Это дает возможность Ю.Б. разрабатывать и вопросы филологии, теории, художественной критики, теории литературы, теории искусства, герменевтики, рецептивной эстетики, структурализма. Не случайно под его редакцией систематически выходили выпуски издания «Теории. Школы. Концепции». Для этой особенности ученого показательно фундаментальное издание «Теория литературы», публиковавшееся в 4-х томах. Один из томов — четвертый — редактировал Юрий Борисович.

Обилие трудов ученого по теории литературы объясняется тем, что долгие годы он руководил Отделом теории литературы в Институте мировой литературы им. А.М. Горького. Для иллюстрации интереса ученого к герменевтике, например, показательна его книга «Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения «Медного всадника»», выпущенная издательством «Советский писатель» в 1981 году. Процесс расширения проблематики эстетики, столь характерный для Ю.Б. Борева, привел его к необходи-

¹ История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5 т. Т. 2. Эстетические учения XVII–XVIII веков. М., 1964. С. 455.

мости овладения комплексной методологией или системно-структурной методологией.

В комплексном подходе, столь популярном в 70-е годы, о чем свидетельствовала, например, активная деятельность Комиссии по комплексному изучению художественного творчества, руководимая Б.С. Мейлахом, было рациональное зерно. Ведь, пережив период подъема, эстетика постепенно начала сталкиваться с кризисом. Этот вопрос оказался столь актуальным, что его стали обсуждать публично, в том числе на страницах журнала «Вопросы философии».

Этому вопросу был посвящен специальный круглый стол. О кризисе эстетики и, в частности, о ее неспособности своевременно реагировать на новый опыт искусства писал один из самых активных сегодня представителей цеха эстетиков — В.В. Бычков. «Парадокс XX столетия, а, может быть, и одна из его закономерностей, — пишет он, — состоит в том, что собственно теоретическая, или философская эстетика адекватно не отреагировала на бурные процессы, протекавшие в сфере художественной практики. По крупному счету она почти проигнорировала их и ушла на уровень школьной дисциплины, вяло пережевывая опыт классической эстетики и классического искусства от античности до конца XIX века, и только очень осторожно и с опаской заглядывала в бурлящий котел арtpрактик XX века»¹.

Эстетика в лице Ю.Б. Борева пыталась преодолеть кризис расширением своей проблематики. Этому способствовал интерес к самым разным исследовательским направлениям, который столь характерен для Ю.Б. Борева. О расширении проблематики эстетики, предпринятом Юрием Борисовичем, свидетельствует одна из фундаментальных редакций уже выстроенной в эстетике системы. Обратимся, например, ко второму изданию его фундаментального труда «Эстетика», которое вышло в 1975 году. Прибегая к системно-структурному подходу, он предлагает читателю эстетическую систему, в которую в качестве слагаемых входят: аксиология искусства, гносеология искусства, онтология искусства, морфология искусства и даже социология искусства².

В двух последних десятилетиях XX века возникла новая и проблемная ситуация, которая вновь заставила задуматься о

¹ Бычков В. Феномен неклассического эстетического сознания // Вопросы философии. 2004. № 12. С. 80.

² Борев Ю. Эстетика. Издание 2. М., 1975.

судьбе эстетики как науки и на которую отреагировали многие представители эстетики, правда, не всегда адекватно, а подчас даже агрессивно. Речь идет о появлении еще одной науки, а именно науки о культуре, в процесс становления которой вписался и Ю.Б. Борев. Интенсивное развитие эта наука получила в России, что, видимо, объясняется тем, что именно здесь в XX веке произошли, может быть, самые масштабные разрушительные процессы, затронувшие культуру, процессы, связанные с революцией, гражданской войной и истребительными мировыми войнами.

Уже в самом начале поворота в сторону культурологии, что привлекло к этой дисциплине множество гуманитариев, включившихся в обсуждение ее проблематики, стало ясно: новая наука раздваивается. Ее методология ориентируется то в направлении естественных, то в направлении гуманитарных наук. Так, например, Э. Маркарян выпустил ряд книг, свидетельствующих об актуальности для науки о культуре методологии естественных наук. Однако, может быть, для отечественных мыслителей, тем более искусствоведческой направленности, более актуальными оказались труды М. Бахтина, который, как оказывается, тоже является культурологом.

Когда в 20-е годы М. Бахтин писал книгу о Достоевском, это было не столь очевидно, ведь наука о культуре тогда еще не успела появиться. Правда, проблема «Бахтин как культуролог» обязывает поставить вопрос: какую традицию возрождает рефлексия ученого — ту ли, что связана с просветителями, в среде которых возник впервые проект эстетики как научной дисциплины, или же ту, что связана с критиками просветителей, а именно с романтиками? Известно, что хотя романтики и продолжали разрабатывать проблематику эстетики, но исходили при этом они уже из других установок. Так, для Шеллинга, например, философия была ближе искусству, нежели науке, а ведь для Канта и Гегеля на первое место выходит именно близость к науке, естественной науке. Правда, это им не помешало вызвать к жизни эстетику как гуманитарную дисциплину.

В России была сильна не только просветительская традиция (и об этом свидетельствует ментальность революционеров, вообще большевизма), но и романтическое мировидение, которое у нас принято называть славянофильством. Ведь именно атмосфера оттепели как раз и интересна пробуждением романтической традиции. Не случайно коллега Ю.Б. Борев В.В. Ванслов

одну из своих ранних книг по эстетике посвящает именно романтизму. Вообще, наверное, именно романтическая традиция постепенно вызовет к жизни и русский вариант науки о культуре.

У М. Бахтина многое от романтизма. В частности, философия смеха, стихия комического. Он заново открыл Рабле так, как романтики открыли Аристофана. Бахтинское понимание смеха связано с мировосприятием романтиков. Смех для них — частное выражение мифологической стихии, которая имеет национальные и народные корни.

Естественно, что книга Ю.Б. Борева о комическом рождалась именно в этой атмосфере открытия смеховой стихии. Беспрецедентная популярность М. Бахтина будила столь сильную в России и альтернативную по отношению к просветительской традиции романтическую традицию. Эта активизировавшаяся в эпоху оттепели традиция — часть общего контекста — возрождения духа народности и национальности. Все это получило выражение в искусстве и, в частности, в литературе, например, в забываемой сегодня, в эпоху либерально-рыночной вакханалии, так называемой «деревенской» литературе.

Взрыв романтического мировосприятия, что улавливается даже в рефлексии А. Солженицына, в его высказываниях о народе и нации, вообще был спровоцирован процессами не только социальной истории, но и тенденциями, характерными для науки этого времени. В частности, активизацией позитивизма, что проявилось, в частности, в высоком статусе физиков, которые, казалось, вытесняли лириков, математиков и отчасти социологов.

Некоторые энтузиасты старались смягчить эти трения между романтической и просветительской (позитивистской) традициями. Здесь опять же нельзя не вспомнить о деятельности Б.С. Мейлаха, с которым мы немало провели в годы застоя конференций. Этот замечательный организатор научной жизни придерживался популярного в тот период комплексного подхода к искусству, который бы объединял представителей естественных и гуманитарных наук. Ю.Б. Борев, конечно, выражал эти настроения.

Так получилось, что филолог и семиотик Ю.М. Лотман, с одной стороны, и философ, всю жизнь занимавшийся филологией, М. Бахтин сегодня являются самыми яркими представителями отечественной науки о культуре. На фоне обозначенно-

го положения дел, когда искусственно провоцируется конфликт между эстетикой, с одной стороны, и наукой о культуре, с другой, четко вырисовывается фигура Ю.Б. Борева как представителя гуманитарной науки, придерживающегося особой позиции. Овладевая методами многих гуманитарных наук, он берет в этих науках самое ценное и самое конструктивное, что могло бы способствовать совершенствованию проблематики эстетики.

Но в центре интересов Ю.Б. Борева всегда была эстетика. Юрий Борисович — эстетикоцентрист в отечественной гуманитарной науке. И к каким бы темам и проблемам он не обращался в разные периоды своей жизни, в его сочинениях прослеживается именно этот стержень — эстетикоцентризм.

Ассимиляция конструктивных подходов, заимствуемых в других науках, у него служит делу эстетики. А эстетика, как он убежден, является потребностью всякого цивилизованного общества, стремящегося к гуманизации образа жизни. Эта потребность не перестает быть актуальной даже в ситуации милитаризации и очередной вспышки имперского комплекса, который постоянно возрождается в России. Но этому должно быть сопротивление. Такое сопротивление Юрий Борисович связывает исключительно с искусством и эстетикой. Он убежден, что эстетика — это наука, которая не изолирована от всей гуманитарной сферы, вообще от культуры.

Ведь когда основатели этой дисциплины связывали эстетику с игрой, то они тем самым закладывали основы для возникновения и развития той науки, которая возникнет лишь в будущем, в последних десятилетиях XX века, т.е. науки о культуре. Именно игровая стихия роднит эстетику как науку с наукой о культуре. Ведь, как справедливо утверждал Й. Хейзинга, в основе не только искусства и других сфер, но и культуры находится игра. Культура продолжает развиваться и функционировать до тех пор, пока игра не иссякает. Иссякание духа игры означает смерть культуры. В наше время, когда так интенсивно разворачивается цивилизационное начало, это реальная угроза.

Именно этот игровой дух и оказывается в центре внимания Ю.Б. Борева. Поэтому его деятельность заслуживает того, чтобы она была оценена не только по вкладу, сделанному ученым в разработку проблематики эстетической науки, но и по способности адекватно реагировать на изменяющиеся ситуации, в частности, на появление новых наук, претендующих на рассмотрение тех

проблем, которые до этого оказывались прерогативой лишь эстетики. Именно это отсутствие у Юрия Борисовича сектантской нетерпимости по отношению к другим наукам способствовало тому, что на протяжении многих десятилетий его книги издаются и читаются сменяющимися друг друга несколькими поколениями.

Несмотря на то, что эстетика за эти десятилетия сталкивалась с моментами не только подъема, но и спада, кризиса, Юрий Борисович остается настоящим рыцарем науки, которую он представляет. Это один из самых активных апостолов учения Баумгартена, Канта и Гегеля, учения не застывшего, а развивающегося в соответствии с потребностями современного общества, ассимилирующего опыт других дисциплин. Ю.Б. в своих научных воззрениях демонстрирует завидную последовательность. Он также убеждает нас в том, что длительность творческого напряжения вовсе не исчерпывается короткими вспышками. Она может продолжаться длительное время. Об этом и свидетельствует творческая биография нашего выдающегося ученого, работы которого переведены на десятки языков других стран. Его книги издаются и переиздаются в разных странах.

Знакомство с трудами Юрия Борисовича представителями других культур и государств не может не приводить к выводу о том, что эстетика в России — не искусственная, сухая дисциплина, которую преподают в университетах (в последнее время, правда, под натиском рождающегося в России общества потребления количество часов на эстетику постоянно урезается), а живая и востребованная наука — философское обобщение того духовного и художественного опыта, тех процессов культуры, которые имеют место в России и с которым считается весь остальной мир. Конечно, Ю.Б. — не только ученый академического плана, но и гражданин, готовый постоять за науку, которой отдал всю свою жизнь. Так, в «Литературной газете» за 2004 год, реагируя на сокращение часов эстетики в высших учебных заведениях, он упрекал чиновников за комплекс Герострата. «Эстетику надо оставить в ВУЗах (особенно художественных), — писал он, — как одну из ведущих базовых теоретических дисциплин. Очередной поджог храма науки и культуры геростратами надо остановить! Если это не будет сделано, наша эпоха войдет в историю как эпоха мракобесия»¹.

¹ Борев Ю. Эстетика и геростраты // Литературная газета. 25.11–2.12.2004. № 8.

В свои 90 лет Ю.Б. Борев продолжает радовать читателей своими новыми работами. С 1993 года он организует и продолжает выпускать теоретический журнал по эстетике и искусствознанию «Академические тетради». Он является главным редактором этого журнала. Долгих лет жизни Вам, уважаемый профессор, и осуществления всех творческих замыслов, которые продолжают рождаться в Вашем сознании.

